

Дом». Было приобретено в казну имение Пушкиных Михайловское, реставрирована и взята под охрану государством могила поэта. 1 янв. 1892 К.Р. писал в дневнике (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1): «Как ни ответственны занимаемые мною должности Президента Академии наук, командующего первым гвардейскими полком и, пожалуй, еще попечителя Женских педагогических курсов, призвание поэта для меня высшая и святейшая из обязанностей». После первого сб. стих. (1886) ежегодно выходят из печати книги стихов. В 1888 была напечатана его первая поэма «**Севастиан Мученик**». В 1915 издан сб. его критических статей о совр. поэзии «**Критические отзывы**».

Перу К.Р. принадлежат также произведения эпического плана. Кроме первой поэмы «Севастиан-мученик» К.Р. написал драматический отрывок «**Возрожденный Манфред**» (вышел из печати в 1885). Часть его лит. занятий составляли переводы: «Мессинская невеста» Ф. Шиллера, «Ифигения в Тавриде» И. В. Гете, «Король Генрих IV» В. Шекспира. 10 лет К.Р. трудился над переводом «Трагедии о Гамлете, принце Датском» Шекспира. Кроме тома самого текста трагедии еще 2 тома составили комментарии. Премьера пьесы состоялась в «Измайловских досугах» 17 янв. 1897, роль Гамлета исполнял сам К.Р.

К.Р. был также композитором, положил на музыку стих. «Луч денницы» В. Гюго, «Верь мне, друг» А. К. Толстого; написал романсы «О, не пытайся дух унять тревожный» и «Горними тихо летела душа небесами» на слова А. Толстого, «Он уже снился мне когда-то...», «Далеко, на самом море...» на слова А. Майкова; переложил на музыку собственное стих. «Молитва».

Последним значительным лит. трудом К.Р. была драма «**Царь Иудейский**» (1914), действие которой происходит в последние дни земной жизни Христа. По церковным правилам образ Христа не мог появиться на сценических подмостках, и, хотя автор пьесы выполнил это условие, вокруг «Царя Иудейского» развернулась идеологическая кампания. Синод запретил постановку, однако Император разрешил поставить пьесу в «Измайловских досугах» как любительский спектакль, и премьера «Царя Иудейского» состоялась 11 янв. 1914. Музыка к пьесе написал А. К. Глазунов. К.Р. исполнял роль Иосифа Аримафейского.

19 июля 1914 Германия объявила войну России. Сыновья К.Р. (кроме двух младших) были отправлены на фронт. 29 сент. от раны, полученной в конном бою, скончался самый

любимый и талантливый сын К.Р. — Олег. Отец пережил его всего на полгода. Погребен он в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора. В 1997 американские кадеты, почитавшие К.Р. как видного военачальника и инспектора всех кадетских корпусов России, доставили в Петербург каррарский мрамор и помогли восстановить надгробья над захоронением К.Р. и его семейства.

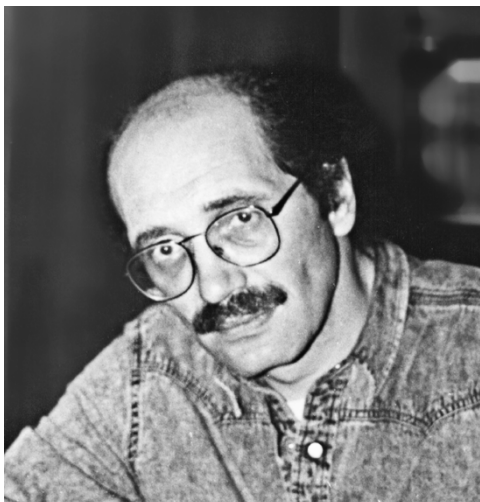
Соч.: Стихотворения (1879–1885). СПб., 1886; Стихотворения. 1879–1912: в 3 т. СПб.; Пг., 1912–15; Севастиан Мученик. СПб., 1888; Новые стихотворения (1886–1888). СПб., 1889; Третий сборник стихотворений (1889–1899). СПб., 1900; Критические отзывы. Пг., 1915; Царь Иудейский: драма в 4 действиях и 5 картинах. СПб., 1914; Недоверие к солдату (из завещания великого князя Константина Константиновича) // Новый ж. 1995. № 2; Великий князь Константин Константинович Романов: Дневники. Воспоминания. Письма. М., 1998; И. А. Гончаров и К. К. Романов. Неизданная переписка. К.Р. Стихотворения. Драма. Псков, 1993; Переписка К.Р. с Н. Н. Страховым // Русская лит-ра. 1993. № 2; Письма великого князя Константина Константиновича в Оптину пустынь // Новый ж. 1998. № 1.

Лит.: Михайлов Д. Лирика К.Р. в связи с историей русской поэзии во вторую половину XIX в. СПб., 1901; Нелюбин Г. К.Р. Критико-биографический этюд. СПб., 1902; Кони А. Речь на общем собрании Академии наук в память великого князя Константина Константиновича // Ежегодные лит. и науч.-популярные приложения. 1916. Дек.; Сергиевский Н. Эти милые две буквы...: Книга о К.Р. Нью-Йорк, 1957; Тайны дома Романовых // ЛГ-Досье. 1992. № 2; Великий князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993; Соболев В. С. Августейший президент: Великий князь К.Р. во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993; Кузьмина Л. И. Августейший поэт: К.Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. СПб., 1995; Волгин И. Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. М., 1998; Петровичев В. В. Драма страстей Христовых (К.Р. «Царь Иудейский»). СПб., 2002.

Л. И. Кузьмина

КАБАКОВ Александр Абрамович [22.10.1943, Новосибирск] — прозаик.

Родился в семье военного, офицера-ракетчика, в эвакуации. Вместе с семьей не раз менял место жительства. Поступил на механико-математический ф-т Днепропетровского ун-та, хотя, по собственной характеристике, был «абсолютно гуманитарным человеком», хотел стать сценаристом. «Память была хороша, все выучил, закончил с пятерками». Работал инженером в ракетной фирме. Прожил в Днепропетровске около 10 лет, занимался КВН, писал о джазе. Потом перебрал-

А. А. Кабаков

ся в Москву, стал журналистом, 17 лет проработал в газ. «Гудок», затем стал обозревателем «Московских новостей». Сейчас — заместитель главного редактора этой газ.

С 1975 по 1981 К. опубликовал около 100 юмористических рассказов, в основном в газетах. Был лауреатом премии газ. «Московский комсомолец», обладателем премии «Лит. газ.» «Золотой теленок». С начала 1980-х К. начал, по его собственному определению, «сочинять заведомый непроходняк, без всякой цели напечатать где-либо...». В июне 1989 в ж. «Искусство кино» была опубликована одна из этих «непроходных» вещей — роман **«Невозвращенец»**, написанный в 1988. После этой публикации К. сделался не просто известным, но модным автором. Права на издание романа приобрели в десяти странах, по нему был поставлен спектакль на радио «Свобода», снят фильм, показанный по телевидению в день августовского путча. «Нью-Йорк таймс» назвала писателя «одним из первых горбачевских удачников». Сам же К. относил успех первой из своих опубликованных вещей на счет конъюнктурных совпадений. По мнению критики, роман материализовывал коллективные страхи, формулировал недоуменные вопросы, вглядывался вместе с нами в тревожно зияющее будущее.

В год публикации «Невозвращенца» была напечатана за счет средств автора и первая книга его прозы — **«Заведомо ложные измышления»** (1989). Кроме «Невозвращенца» в нее вошли 2 части романа **«Подход Кристаповича»**: «До войны, по-английски» и «Линда с хлопками» (3-ю — «Вам

отказано окончательно» — даже в 1989 не удалось включить в книгу по цензурным соображениям); «две джазовые легенды»: повести **«Масло, запятая, холст»**, **«Кафе „Юность“**»; и «фантазия на газетные темы» — **«Салон»**.

В одном из первых своих интервью К. объяснил основной принцип своего творчества: «Все, что я сочиняю, это „заведомо ложные измышления“. Как бы такая игра, когда берется совершенно реальная ситуация и к ней приспособляется нереальное ее разрешение. Например, конкретная, всем знакомая ситуация, некрасивая, не укладывающаяся ни в один канон и вообще похожая только на нашу реальную жизнь, вписывается в рамки определенного жанра. По моей любви, жанра коммерческого — детектива, боевика, музыкального фильма-ретро, сказки для взрослых, антиутопии».

Роман К. «Подход Кристаповича» — о человеке, который в одиночку мог выступать против органов госбезопасности и побеждать их, быть свободным от страха перед конторой, как он их называет, и оказался одним из первых русских боевиков.

За «Невозвращенцем» последовали публикации романов К. **«Сочинитель»** (1990–91) и **«Самозванец»** (1992). В 1993 все три романа были изданы книгой под названием **«Похождения настоящего мужчины в Москве и других невероятных местах»**. К ним примыкает и новый роман К. **«Последний герой»** (1995). По определению автора, эти романы — «притчи о выборе».

В одном из недавних интервью К. сказал: «Главное, что меня занимает, — это социальная и политическая жизнь как некий общественный фон, на котором происходит жизнь отдельных частных людей, занятых своими проблемами... Основное во всем этом — любовь». Между тем критиков и читателей К. большей частью интересует пока именно политический фон его произведений. Не случайно он заметил, что «никто не читает того, о чем я хотел написать», а «слава провидца» в глазах читателей «затмила его славу писателя».

В книгах К., особенно в «Похождениях настоящего мужчины», любовь выступает как возможность преобразования мира, даже как способ его спасения; и свой выбор герои К. делают между любовью и нелюбовью как возможностью и способом существования. Правда, по мнению самого К., время его героев прошло. И его книги оказываются прощением автора со своими героями, с их временем — сам он живет уже в др. времени.

Соч.: Заведомо ложные измышления: повести. М., 1989; Бульварный роман // Знамя. 1990. № 4; Подход Кристаповича. М., 1993; Похождения настоящего мужчины в Москве и других невероятных местах. М., 1993; Притчи о выборе // Смена. 1993. 13 февр.; Нельзя одновременно мести тротуары и заниматься литературой... // Невское время. 1996. 4 янв.

Лит.: Плахов А. Коллективные мечтания, или Подход Кабакова // Знамя. 1990. № 3.

О. И. Козлова

КАБАНКОВ Юрий Николаевич (псевдонимы Ю. Надеждинский, Епифаний Пустынник) [21.7.1954, Владивосток] — поэт, переводчик, критик, эссеист, богослов.

После школы служил на флоте, затем работал парашютистом-пожарным. В 1975–78 учился в Дальневосточном ун-те, работал корреспондентом радио. В 1978 поступил в Литинститут, в семинар Ал. Михайлова (окончил в 1983). Стихами К. еще в студенческие годы заинтересовались К. А. Кедров, Л. Г. Баранова-Гонченко, Е. Н. Лебедев. Одно время был близок кружку «метаметафористов» (К. Кедров, И. Жданов, А. Еременко, А. Парщиков), но затем почувствовал корневую связь с исконной худож. традицией и сблизился с патриотическими кругами лит. общественности. После ин-та К. несколько лет учительствовал в г. Чернь Тульской области, потом вернулся в родное Приморье.

Член СП с 1988.

Первая поэтическая книга К. «**Кто слухит ветром...**» вышла в Москве в 1986 и была удостоена премии изд-ва «Молодая гвардия». По мнению Вал. Устинова, уже на ранней стадии поэтической эволюции К. ему была свойственна сложно-метафорическая манера письма, информативная и символическая насыщенность, требующая специальных комментариев: «Уже от гудящего зноя в осоке вскипал муравейник, / сухая долина курилась крутым кипятком разнотравья, / откуда роса не упала и месяц холодный не выплыл, / срезая колосья и тусклые угли в печи раздувая; / бесшумно стекала вода по дощатому телу плиты, / а мельничный жернов легонько разлузгивал спелые зерна, и звезды покачивались на тонких стеблях камышинок, / и пахло молочной прохладой ночное дыхание затона...» (Тверской бульвар, 25: альм. Лит. ин-та им. А. М. Горького. М., 1982). К. одним из первых в своем поколении заявил о склонности к эпическим жанрам. Опираясь на традицию советских поэтов П. Васильева, Б. Корнилова, русских классиков XIX в. Ф. Тютчева и Е. Баратынского, авторов XVIII в.

Г. Державина и М. Ломоносова, писателей древнерусской лит. школы, поэт не менее упорно стремился выработать собственный авторский стиль.

Индивидуальная манера К. сочетает в себе начала, кажущиеся разнородными и неслиянными. Как отметил в шуточных стихах «Поэт и Чернь», посвященных К., его друг и однокурсник М. Попов: «Он не похож на Кузнецова, / но кажется порою мне: / он Мандельштам и Кольцова / в себе соединил. Вчерне» (Эгоист. 2004. № 1. С. 151).

В работе над стихами и поэмами К. нетороплив, основателен. Каждое слово выверено, тщательно подобрано. Мощные фактурные пласты, яркие и прочувствованные метафоры, соединение архаических слоев лексики и совр. реалии все это составляет основу авторской индивидуальности: «Озимым холодком повеяло со стрельбищ. / И ныла тишина у леса между пальцев. / Утробой дождя обсасывая камни, / над нами моросила брезентовая осень. / Дороги земноводны. Оглухшие стрекозы / Беспомощно хлопочут у выжженных обочин, / где, охлаждая дизель, зимуют черепахи, / Разумно озираясь на вымерших оленей...» (**Камни преткновенны**. С. 33).

Однако это плотное, мужественное, метафорическое письмо отнюдь не мешает поэту при необходимости достигать полувоздушной легкости и трогательности мироощущения: «Вот и опять поджидаю тайком: / Может, хоть сумерки душу залечат! / Месяц взойдет над затихшим заречьем, / Звякнув уздечкой под самым окном... / Мне ли не знать, как была хороша / Робкая завязь нашего крова! / Время умчалось, звякнув подковой. / Господи! Как ты была хороша!» (Тверской бульвар, 25. С. 158–159).

Нередко в поэзии К. текст связывается с уже известными явлениями искусства, вводится в общий контекст культуры. Названия стих. «**Цыганы**», «**Апофеоз Башмачкина**» отсылают к классическим текстам. К. «слишком образован, слишком знающ в истории, в литературе вообще и в литературе христианско-православной, в частности,— пишет В. Тыцких.— Для читателей... такое наполнение знанием оборачивается множеством аллюзий... В слове Кабанкова всегда отчетлив дух, философский пафос, и уже по опорным сигналам, по базовым метафорам он вполне открыт для внимательного прочтения» (Тыцких В. Приближение к Юрию Кабанкову).

Дальний Восток также отразился на материале и стилистике стихов К. Его увлечение